

Художественное творчество и религиозное познание.

II.

Доселѣ мы старались обосновать гносеологическую правоспособность художественнаго творчества въ отношеніи къ религиозной истинѣ со стороны ея естественной, или психологической возможности, эмпирической дѣйствительности и логической необходимости. Теперь попытаемся *метафизически* обосновать истинность этого познанія, т. е. указать ту реальную гарантію, которая-бы позволяла считать надежнымъ получаемое такимъ путемъ познаніе. Попробуемъ съ *религиозной точки зрѣнія* оправдать наше мнѣніе.

Мы называемъ это обоснованіе „метафизическимъ“, — потому, что оно опирается на положительное ученіе о Богѣ и Его промыслительномъ отошеніи къ міру. Художники могутъ быть руководителями религиозной истины, потому что ихъ вдохновляетъ Богъ, — вотъ основная мысль всѣхъ предлагаемыхъ ниже разсужденій.

Такимъ образомъ, въ настоящемъ отдѣлѣ нашей статьи мы хотимъ дать нашъ *богословскій отвѣтъ* на взятый нами вопросъ.

Этотъ отвѣтъ не будетъ новостью для нашего отечественнаго богословствованія. Представители русской православно—богословской мысли не разъ уже высказывали такой взглядъ на художественное творчество. Папр. Е. В. Амфитеатровъ въ упомянутой своей рѣчи говорилъ: „Безъ особенной таинственной причины мы не можемъ объяснить себѣ и возникновенія идеаловъ въ душѣ художника, которые рождаются большею частью неожиданно и всегда болѣе

или менѣе бессознательно и произвольно. Какъ-бы мы ни назвали эту причину, но во всякомъ случаѣ она представляется дѣйствующею на человѣка отвнѣ, и вопросъ состоитъ только въ томъ, какъ дѣйствуетъ она на душу художника... Каждая великая мысль является не какъ рассчитанное и отысканное, но рождается въ душѣ и открывается, какъ нѣчто непосредственно просвѣтлѣвшее, нѣчто такое, что душа только теперь разсматриваетъ ближе. Какъ находки, которыя какъ-бы случайно попадаютъ намъ, означаемъ мы такія мысли, связь которыхъ съ кругомъ извѣстныхъ и произвольныхъ дѣйствій была сокрыта для насъ. Если всё многозначительное и въ интеллектуальной и въ нравственной жизни совершается не безъ воздѣйствія свыше, то мы тѣмъ съ большимъ правомъ можемъ предполагать такое воздѣйствіе въ дѣятельности фантазіи, что эта дѣятельность въ самомъ лучшемъ и высшемъ, что производитъ она, не руководится яснымъ сознаниемъ. Мыслитель внезапно вспыхнувшую въ душѣ его великую мысль тогда-же утверждаетъ на разумныхъ основаніяхъ, а о великихъ художникахъ и поэтахъ вообще можно сказать, что они сходятъ въ могилу, не зная, почему избрали они извѣстные образы, а между тѣмъ избранные ими образы оказываются единственными истинными. Мы вѣримъ и вѣруемъ, что Богъ есть вездѣприсущее основаніе жизни всѣхъ вещей, что въ Немъ мы живемъ, движемся и существуемъ, и эта отрадная для сердца нашего увѣренность утверждаетъ насъ въ мысли, что все значительное въ нашихъ дѣлахъ совершается по особенному Божественному воздѣйствію. Такой взглядъ на ходъ дѣлъ нашего міра не только самый отрадный, но въ то-же время единственно разумный и истинный. Послѣ этого не необходимо-ли предположить, что и *при зачатіи художественныхъ идеаловъ душу художника, особенно чуткую къ красотѣ, озаряетъ высшая Божественная сила, и при этомъ озареніи художникъ мгновенно усматриваетъ скрытый въ душѣ его Божественный первообразъ вещи?* Это озареніе или вдохновеніе есть, такимъ образомъ, только усиленіе и возбужденіе собственныхъ предчувствій художника. Тогда какъ другіе понимаютъ и принимаютъ только вполнѣ развитый художественный идеалъ,

для художника достаточно одного Божественнаго мановенія, чтобъ изъ своихъ темныхъ предчувствій извлечь и всесторонне развить этотъ идеаль. Мысли Божественныя какъ-бы сами собсю проникають въ его сердце,—и это именно бываетъ каждый разъ, когда что-нибудь новое и великое, и вмѣстѣ общеобязательное какъ вообще, такъ и въ частности въ области искусства раскрывается для человѣчества, и расширяется и возвышается человѣческое сознание. Это толчекъ и сообщеніе не столько отвнѣ, сколько изнутри, какъ-бы изъ центра общей жизни; это не механическая передача или готовое преданіе, но возбужденіе къ развитію Божественной идеи, при чемъ мы являемся не страдательными, но дѣятельными ея органами. Дѣло человѣка состоитъ здѣсь въ томъ, что при Божественномъ внушеніи онъ умѣетъ начать нѣчто, въ пониманіи и развитіи чего дѣйствуетъ уже самостоятельно“. ¹⁾ Такого-же взгляда держится А. И. Введенскій. ²⁾ Взглядъ этотъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ въ свою пользу вполне достаточныя основанія.

Въ наше время художникамъ нерѣдко усвояють названіе „божественныхъ“, какъ epitheton ornans, не пытаясь соединять съ этимъ названіемъ того реальнаго смысла, на какой указываетъ его этимологія. Мы въ этомъ случаѣ просто слѣдуемъ традиціи, ведущей свое начало изъ глубокой древности. Но древность, которая создала этотъ эпитетъ, соединяла съ нимъ дѣйствительно реальный смыслъ.

Греки называли поэта — ἵρθεος, θεόπνευστος, ἐκστατικός. Платонъ въ Федрѣ говоритъ о „Божественномъ безуміи поэта.“ У Цицерона встрѣчаемся съ понятіями—„rati Deum“, „furor poeticus“. Художественное вдохновеніе Греки производили отъ Аполлона. Тевтонская мифологія называетъ пѣвца боговидцемъ. ³⁾ Наше „Слово о полку Игоревѣ“ называютъ Баяна „вѣщимъ“. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло вовсе не съ метафорами.

¹⁾ Е. В. Амфитеатровъ, op. cit. сс. 518—522.

²⁾ А. И. Введенскій, Вѣра въ Бога etc., стр. 146 spp.

³⁾ G. Portig, Religion und Kunst in ihrem gegenseitigen Verhältniss. 1880. В. II. s. 385.

Если мы изъ глубокой древности перейдемъ въ болѣе близкія къ намъ времена и обратимся къ свидѣтельствамъ самихъ художниковъ о происхожденіи своихъ твореній, а также и къ мнѣніямъ о нихъ другихъ, то увидимъ, что здѣсь тоже очень часто и опять отнюдь не въ метафорическомъ смыслѣ признается боговдохновенность поэта. „Каждому истинному поэту, говоритъ Гюйо, свойственно воображать себя немного пророкомъ, и развѣ въ концѣ концовъ онъ ошибается?“¹⁾ Гюйо, собственно говоря, —нигилистъ; эгимъ и объясняется полускептический характеръ его словъ; но, очевидно, онъ имѣетъ предъ глазами тѣ же факты, которые вѣрующаго человѣка заставляютъ со всею искренностью признать руку Божию на вдохновенномъ художникѣ. Вотъ, на примѣръ, Габріель Сеайль, писатель, несомнѣнно спиритуалистическаго образа мыслей, говоритъ: „Геній есть даръ благодати, его трудъ подобенъ услышанной молитвѣ. Поэты охотно говорятъ о Богѣ, ихъ вдохновляющемъ, о мученіяхъ, которыя заслужили имъ это благоволеніе, о своихъ восторгахъ, когда, охваченные болѣе сильною личностію, слившись съ самимъ Богомъ (*devenus le Dieu même*), который диктуетъ имъ свои мысли, они не отличаютъ себя отъ той красоты, которую творятъ“²⁾. Гёте въ письмѣ къ Эккерману говоритъ слѣдующее: „Въ религиозныхъ и нравственныхъ предметахъ охотно допускаютъ Божественное дѣйствіе, но въ предметахъ знанія и искусства думаютъ видѣть просто земное, и ничего болѣе, какъ продуктъ человѣческихъ силъ. Но попытайся кто-либо съ чисто человѣческой силой и волей произвести нѣчто такое, что могло-бы быть поставлено въ одинъ рядъ съ твореніями, носящими имена Моцарта, Рафаэля и Шекспира“. Свидѣтельство это, какъ замѣчаетъ Е. В. Амфитеатровъ, для насъ тѣмъ важнѣе, что дано поэтомъ, который ни въ какомъ родѣ не былъ мистикомъ³⁾. Мнѣвіе Шиллера мы уже приводили. Ему же принадлежитъ и такое категорическое заявленіе: „Геній —наивенъ, потому что его мысли суть Божественныя внушенія“.

1) Гюйо, I. с. р. 142.

2) Seailles, I. с. р. 173.

3) Амфитеатровъ, оп. с. 517—518.

Если мы обратимся къ исторіи искусствъ, то увидимъ, что почти всѣ выдающіеся художники во всѣхъ родахъ искусства считали себя Божественными избранниками да и въ цѣнителяхъ ихъ произведеній создавалось подобное-же убѣжденіе. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Фидій, создавъ статую Зевса Олимпійскаго, самъ бросился предъ нею на колѣна въ молитвенномъ восторгѣ, и—прибавляетъ благочестивая греческая легенда,—Зевсъ далъ ему съ неба знакъ своего благоволенія въ видѣ удара молніи. Эпиктетъ, Плотинъ и Филонъ говорятъ объ этой статуѣ съ величайшимъ восторгомъ, а Діонъ Хризостомъ чувствовалъ даже освобожденіе отъ всѣхъ горестей бытія при взглядѣ на нее. Одинъ изъ критиковъ новаго времени (Курціусъ) говоритъ о Фидіѣ: „этотъ художникъ возвысился до богослова, потому что его произведенія были откровеніями Божественнаго и идеальными рефлексами народнаго духа“¹⁾. Рафаэль приписывалъ свои лучшія идеи Божественному вдохновенію, Гайднъ то-же говоритъ о лучшихъ музыкальныхъ пьесахъ²⁾. О сикстинской Мадоннѣ Рафаэля и „Requiem“ Моцарта создались цѣлыя легенды,—будто ихъ созданію предшествовало сверхъестественное видѣніе. Жанъ Поль положительно утверждаетъ: „Всѣ художники во время творчества бываютъ теистами; поэтъ подобенъ глазу: въ немъ всѣ лучи суть лучи отражающаго зеркала“. Зольгеръ говоритъ: „творить въ художникѣ не его личность, а идея или само Божество“. Баадеръ прямо приписываетъ творчество Божественному вдохновенію и говоритъ, что „все истинное, великое и прекрасное, что только передумано и передѣлано въ родѣ человѣческомъ, обязано своимъ бытіемъ такому вдохновенію“³⁾.

Если-бы мы захотѣли умножить число сужденій о художникахъ и собственныхъ ихъ показаній о боговдохновенности ихъ творчества, то это не представило-бы затрудненій. Мы полагаемъ, что и приведенныхъ достаточно. А теперь спросимъ себя: какую цѣну имѣеть этотъ взглядъ съ *православно-христіанской, богословской точки зрѣнія?*

1) *Portig*, I, 91.

2) *Ibid.* II, 385—386.

3) *Ibid.* II, 386—387.

Здѣсь мы должны уяснить себѣ собственно два пункта: имѣются-ли богословскія основанія признавать вообще фактъ боговдохновенности художественнаго творчества, и — въ чемъ-же надо полагать отличіе боговдохновенности отъ сверхъестественнаго откровенія Божества Пророкамъ, св. Апостоламъ и другимъ провозвѣстникамъ религіозной христіанской истины?

Что касается перваго вопроса, то мы здѣсь прежде всего укажемъ на одно любопытное *археологическое свидѣтельство*, выражающее взглядъ православной церкви на этотъ предметъ. Въ такъ называемомъ греческомъ „иконописномъ подлинникѣ“, содержащемъ въ себѣ аеонскую традицію православнаго иконописанія, въ наставленіяхъ касательно расположенія священныхъ изображеній въ храмѣ совѣтуется въ четвертомъ ярусѣ ¹⁾ помѣщать — святителей, мучениковъ, преподобныхъ и *языческихъ поэтовъ*; въ пятомъ и послѣднемъ ярусѣ помѣщаются разные святые ²⁾. Это явленіе совершенно не объяснимо, если не признать, что церковь дѣйствительно видѣла въ языческихъ поэтахъ нарочитые орудія промысла Божія, подготовлявшія естественное чело-вѣчество къ принятію Того, Кто есть „Свѣтъ во откровеніе языкомъ“.

Затѣмъ можно указать еще на тотъ общеизвѣстный фактъ, что древняя церковь признавала, напримѣръ, боговдохновенность т. н. Сивиллиныхъ стиховъ. Въ настоящее время Церковь въ своемъ догматическомъ ученіи о Благодати различаетъ среди ся видовъ т. н. естественную благодать (*gratia naturalis*), обусловливающую возможность союза (хотя и несовершеннаго) между Богомъ и чело-вѣкомъ — даже внѣ церкви („*foedus ante legem*“ или „*foedus ante aut extra legem et evangelium*“). Отсюда также ясно, что Церковь признаетъ и возможность дѣйствительнаго Откровенія Божія язычникамъ. Но наиболѣе достойными такихъ откровеній

¹⁾ Счетъ ведется съ верха храма, гдѣ въ самомъ куполѣ помѣщается Христосъ-Вседержитель и по сторонамъ Его Богородица съ Предтечею: затѣмъ въ слѣдующихъ рядахъ идутъ — Пророки, Евангелисты, Апостолы и картины изъ священной исторіи.

²⁾ А. Голубцовъ, о греческомъ иконописномъ подлинникѣ. — въ Приб. къ твор свв. оо. т. 48 1898 г. стр. 149 ср. 145 ср.

среди нихъ были несомнѣнно ихъ поэты, художники и философы.

Обращаясь собственно къ свидѣтельствамъ *Священнаго Писанія*, мы находимъ почти только одно указаніе касательно этого вопроса, но зато весьма цѣнное. Это въ Дѣян. 17, 23—28 ст. ¹⁾. *Св. Апостолъ Павелъ* въ рѣчи своей предъ Аѳинскимъ ареопагомъ говорилъ: „я нашелъ жертвенникъ, на которомъ написано: невѣдомому Богу. Сего - то, котораго вы, не зная, чтите, я проповѣдую вамъ.—Отъ одной крови Онъ произвелъ весь родъ человѣчскій..., дабы они искали Бога, не ощущая-ли Его, и не найдуть-ли, хотя Онъ и недалеко отъ каждаго изъ насъ: ибо мы Имъ живемъ, и движемся и существуемъ, какъ и нѣкоторые изъ вашихъ стихотворцевъ говорили: мы Его и родъ. Итакъ, мы, будучи родомъ Божиимъ, не должны думать, что Божество подобно золоту или серебру“... Въ этихъ словахъ мы различаемъ слѣдующія положенія: а) Богъ проповѣдуемый св. Апостоломъ, есть Тотъ самый, Котораго чтятъ и Аѳиняне, не зная Его ²⁾; б) но знать Его они могли-бы, изучая идеальныя свойства человѣческаго духа, въ которомъ Господь отпечатлѣлъ Свою Божественную природу; в) эту истину о теоморфичности человѣка провозглашали поэты греческіе ³⁾. И мы полагаемъ, что не навязываемъ св. Павлу никакой чуждой ему мысли, утверждая, что онъ допускалъ воздѣйствіе Духа Божія даже на языческихъ поэтовъ.

¹⁾ Кромѣ этого можно-бы было еще указать на Исх. 35, 3) ст.

²⁾ *Св. Іоаннъ Златоустъ*, останавливаясь на словахъ Св. Апостола Павла: „Сего—то, Котораго вы, не зная, чтите, я проповѣдую вамъ“, говорить: „Смотри, какъ Павелъ доказываетъ Аѳинянамъ, что они и прежде принимали Его. Ничего страннаго, говорить, вичего новаго я не предлагаю. Они твердили ему: „что за новое ученіе, проповѣдуемое тобой?—Ибо что-то странное ты влагаешь въ уши наши“,—поэтому онъ немедленно уничтожаетъ ихъ предубѣжденіе“. (38-я бесѣда на книгу Дѣяній Ап. стр. 151—152)

³⁾ Слова, цитируемыя Павломъ, принадлежатъ Киликійскому поэту Арату и сполна у него читаются такъ: „πάντη δὲ Διὸς κερήμεθα, πάντες τοῦ γὰρ καὶ γένος ἕσμεν“. Изреченіе, подобное сказанному Киликійскимъ поэтомъ, читается еще у Клеанѳа, ученика Зенона, написавшаго въ гимнѣ Зевсу: „ἐκ σοῦ γὰρ γένος ἕσμεν“; затѣмъ въ т. н. золотой поэмѣ: „θεῖον γὰρ γένος ἔστι βροτοῖσιν“.

Въ *священномъ преданіи* мы на этотъ счетъ находимъ гораздо больше свидѣтельствъ. Св. *Иустинъ* мученикъ центральной идеей всего своего міровоззрѣнія сдѣлалъ мысль о „λόγος σπερματικός“, дѣйствующемъ и дѣйствовавшемъ во всемъ человѣчествѣ,—какъ благодатствованномъ, такъ и вѣ-благодатномъ. Идея христіанства еще и безъ историческаго Христа, вдохновившая впоследствии Тертуліана написать свое знаменитое „De testimonio animae naturae christianae“, съ своей богословско-философской стороны лучше всего раскрыта въ твореніяхъ св. *Иустина*. О своемъ „λογος’ς“ онъ говоритъ: „οὐ πᾶν γένος ἀνθρώπων μετέσχε, καὶ οἱ μετὰ λόγον βιώσαντες Χριστιανοὶ εἰσιν, καὶ ἄθεοι ἐνομιόθησαν, οἷον ἐν Ἑλλήσι μὲν Σωκράτης καὶ Ἡράκλειτος καὶ οἱ ὅμοιοι αὐτοῖς 1)“. Насъ въ этомъ случаѣ не должно смущать, что рѣчь идетъ собственно о философахъ, а не о поэтахъ. Къ послѣднимъ мы имѣемъ полное право прилагать все сказанное о первыхъ—а fortiori, ибо греческая философія, въ лицѣ Платона и родственныхъ ему по духу философовъ.— а только такихъ, какъ извѣстно, апологеты и называли путеводителями ко Христу,—сама признала за поэзіей большую компетенцію въ постиженіи сверхчувственной истины, чѣмъ какую усвоила себѣ. Да и независимо отъ того, сама эта философія гораздо ближе къ поэзіи, чѣмъ къ философіи въ нашемъ смыслѣ. Ея интуитивный характеръ безусловно роднитъ ее съ поэзіей. Откровеніе Божества въ геніяхъ языческой мысли кромѣ св. *Иустина* признавали и другіе апологеты, напр. *Климентъ Александрійскій*, *Лактанцій* и др. 2). Подобное-же мнѣніе высказываютъ и свв. *Григорій Богословъ*, *Василій Великій*, *Епифаній Кипрскій* и *Григорій Великій* 3).

1) „Ему причастенъ весь родъ человѣческій, и живущіе съ Словомъ суть христіане, хотя и считались атеистами; таковы у Грековъ—Сократъ, Гераклитъ и подобные имъ“. *Denzinger, Vier Bücher über dei religiösen Erkenntniss*, B. II, S. 40.

2) Послѣдній, признавая, что въ язычествѣ было нѣкоторое знаніе о Богѣ, прибавляетъ: *Verum, scire divinae est sapientiae Homo autem per se ipsum pervenire ad hanc scientiam non potest, nisi doceatur a Deo*“. Климентъ называетъ Греческую философію „ἀληθείας τίσινα ἱσαγγῆ, θεῶν δωρεάν“ *Ἑλλήσι δεδομένῃ* — *ibid.* 51.

3) *ibid.* 55.

Кромѣ такихъ прямыхъ свидѣтельствъ можно у учителей древней церкви найти и косвенныя указанія на возможность сверхъестественнаго откровенія Божества и среди язычниковъ. Такъ, напр., *Климентъ Александрійскій* утверждаетъ, что всѣ благочестивые люди способны къ пророчеству ¹⁾. То-же говоритъ и *св. Мартинъ*, папа Римскій ²⁾. Но благочестіе, какъ сильное специфически религиозное чувство несомнѣнно было выдающеюся чертою языческихъ поэтовъ и художниковъ ³⁾. И Св. Писаніе учить, что оно возможно и внѣ Церкви Христовой. (ср. Дѣян. 10, 35; 17, 22; Римл. 2, 13. sq.).

Обращаясь къ сравненію откровенія Божества въ духѣ художника съ откровеніемъ, какое получали пророки и св. Апостолы, мы должны сказать, что ихъ никакъ нельзя вполнѣ приравнивать другъ къ другу. Боговдохновенные священные писатели вѣщаютъ намъ одну чистую *адекватную истину*, которая навсегда останется *идеаломъ*, къ которому естественное богопознаніе только постепенно и по мѣрѣ историческаго развитія приближается ⁴⁾. *Въ священномъ Писаніи мы имѣемъ чистый лучъ Божественной истины, а въ художественныхъ произведеніяхъ — лучъ, многократно отраженный и преломленный*. Поэтому художники способны иногда и сами заблуждаться въ религиозныхъ вопросахъ, и другихъ вводить въ заблужденіе. Мы, напримѣръ, сказали, что многіе очень сильные художественные таланты весьма тяготѣютъ къ пантеизму, а бываютъ и случаи, что поэтъ становится

¹⁾ *ibid.* 203: „Τῶ γὰρ ἰσοσεῖ ἰμῶντο καὶ καθαρῶ ἀναλιῖζει τῶ νῶ τὸ ἀληθές“.

²⁾ *ibid.* Память его 14 апрѣля.

³⁾ Ср. выше, стр. 244.

⁴⁾ Формы этого приближенія различны: *научное* познаніе даетъ истину *столь-же* безспорную, какъ и Божественное откровеніе; но оно не даетъ *полной* истины; таковая откроется ему лишь въ послѣдній (идеальный) моментъ историческаго развитія науки. *Интуйтивное* познаніе даетъ довольно полное мірогосзрѣніе, но оно уступаетъ научному, и тѣмъ болѣе откровенному, въ *точности и определенности*: эти точность и определенность, по существу дѣла, пропорціональны умственному развитію чловѣка (интуйтивное познаніе есть, вѣдь, индуктивный процессъ); а умственное развитіе, конечно, также возрастаетъ лишь постепенно въ теченіе исторіи

даже подъ знамя атеизма... Поэтому, повторяемъ, приравнивать боговдохновенность поэтовъ и художниковъ къ боговдохновенности пророковъ и Апостоловъ нельзя. Можно между ними проводить только нѣкоторую параллель; но при этомъ всегда надо помнить и о громадныхъ различіяхъ.

Нѣмецкій изслѣдователь взаимныхъ отношеній религіи и искусства, Портигъ, собралъ и указалъ параллели и различія между гениями и Апостолами. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: а) тѣ и другіе возвѣщаютъ *ничто новое*, переступающее за границы доступныхъ наукъ и обыденному опыту познаній; б) тѣ и другіе суть величины *относительныя*: только продукты всѣхъ гениевъ вмѣстѣ образуютъ искусство въ его цѣломъ и даютъ полное и всестороннее познаніе истины; съ другой стороны, и каждый изъ Апостоловъ открывалъ только нѣкоторыя тайны Божественной жизни;—полнота откровенія дана только въ Иисусѣ Христѣ; в) тѣ и другіе, сдѣлавшись органами Духа Святаго, *не переставали быть людьми*, со всѣми человѣческими слабостями; въ частности, художники иногда способны и очень низко падать въ нравственномъ отношеніи; объ апостолахъ-же этого, конечно, нельзя сказать; д) тѣ и другіе въ раскрытіи своихъ идей не подчинялись условіямъ обыкновенной работы,—непосредственное озареніе духа дѣлаетъ для нихъ *излишними всякіе методическіе приемы*. Это черты сходства. А вотъ и различія: а) въ гениѣ необходима чрезвычайно большая *сила воображенія*; для Апостоловъ это—отнюдь не необходимое качество, потому что имъ приходилось *не творить* образъ истины, а только пересказывать то, что открывалъ имъ Духъ Святой; оттого многія апостольскія писанія совершенно лишены художественной пріятности и отличаются чрезвычайной простотой внѣшней формы выраженія; художникамъ Богъ открывается, лишь *возбуждая ихъ естественныя* силы и способности, Апостоламъ-же открываетъ и такія тайны, которыхъ никогда ни одинъ естественный умъ не сможетъ открыть; б) художникъ не необходимо долженъ быть *религиозно возрожденнымъ*, чтобы быть способнымъ къ творчеству; для Апостоловъ это—необходимо; в) гениѣ открываетъ Бога въ своихъ *твореніяхъ*; Апостолы кромѣ того постоянно посятъ Его *въ сердце*; поэтому д) гениѣ и для человѣчества живетъ, соб-

ственно *въ своихъ творенiяхъ*, которыя подлежатъ и художественной критикѣ, и даже поправкамъ; что касается Апостоловъ, то для христіанъ важна самая ихъ *личность*, которой усвоется уже непререкаемый авторитетъ, какъ живой посительницѣ Духа Святаго ¹⁾.

Эти разъясненія достигаютъ двухъ цѣлей: съ одной стороны, они предотвращаютъ возможность для нашего религіознаго чувства смущаться признанiемъ боговдохновенности художественнаго творчества; а съ другой,—они, тѣмъ не менѣе, еще съ новой стороны подкрѣпляютъ нашу мысль о такой боговдохновенности.

Въ заключеніе ко всѣмъ изложеннымъ соображенiямъ считаемъ нужнымъ присоединить, что вникая въ самую *сущность христіанскаго теизма*, мы находимъ здѣсь новыя подтвержденія своего взгляда на художественное творчество. При самомъ созданiи человѣка Господь, по вѣрованiю Церкви, поставилъ ему одною изъ главныхъ жизненныхъ цѣлей богопознаніе ²⁾. *Св. Василій Великій* пишетъ: „Ты сосудъ благоустроенный, получившій бытіе отъ Бога: прославляй своего Создателя. Ибо для того только ты и созданъ, чтобы быть достойнымъ орудiемъ славы Божіей; и весь этотъ міръ есть для тебя какъ-бы живая книга, которая проповѣдуетъ славу Божію, и возвѣщаетъ тебѣ, имѣющему разумъ, о сокровенномъ и невидимомъ величiи Божіемъ, чтобы ты познавалъ Бога истины. Храни твердо въ памяти мною сказанное“. *Св. Григорій Богословъ* говоритъ: „Надлежало, чтобы поклоненіе Богу не ограничилось одними горними, но были и долу нѣкоторые поклонники, и все исполнено славы Божіей (потому что все — Божіе): для сего создается человѣкъ, почтенный рукотворенiемъ и образомъ Божіимъ“. *Св. Іоаннъ Златоустъ*: „Богъ далъ намъ зрѣніе, уста и слухъ для того, чтобы всѣ члены наши служили Ему, чтобы мы и говорили угодное Ему и дѣлали, Ему воспѣвали непрестанныя пѣсни, Ему возсылали благодаренія“. *Св. Амвросій Медиоланскій*: „Справедливо сказалъ нѣкто: *сего-бо и родъ есмь* (Дѣян. 17, 28), ибо Творецъ даровалъ намъ отъ сродства своего,

¹⁾ *Portig*, II, 389—390.

²⁾ Прееосв. *Макарій*, Догм. Бог. т. II, стр. 146.

т. е. разумную природу, чтобы мы искали того Божественнаго, которое находится *недалече отъ единого когосждо насъ* (—27) и о которомъ мы *живемъ и движемся и есмь*“.— Вотъ мѣста изъ отцовъ церкви, которыя считаются выражающими церковный взглядъ на цѣль сотворенія Богомъ человѣка ¹⁾). Во всѣхъ въ нихъ мы видимъ, что богопознаніе и отсюда—прославленіе Бога указывается, какъ самая главная, и, такъ-сказать, основная цѣль. Всѣ прочія цѣли (собственное блаженство человѣка, господство надъ тварями и проч.) стоять уже послѣ этой. А Апостоль Павелъ, какъ мы видѣли, и не упоминаетъ никакой другой цѣли сотворенія людей,—кромѣ той, — „дабы они искали Бога“.

Если мы обратимся теперь къ тѣмъ мѣстамъ Священнаго Писанія, гдѣ говорится о познаніи Бога (1 Кор. 1, 21; 2, 1—14. Римл. 1, 21—28; 2 Кор. 3, 14—17. Матѣ. 11, 25; Римл. 11, 33—34; 1 Тим. 6, 16; 1 Иоан. 1, 18; 4, 12. 14; Исх. 33, 18—20; Іов. 11, 7—9; Сир. 43, 33—34; 18, 3—4 ст.), то увидимъ, что почти всѣ они говорятъ о безсиліи мудрости естественной и о томъ, что познаніе Бога есть плодъ премудрости Божіей тайной сокровенной. Такая премудрость существенно отличается отъ мудрости естественной; она подается Духомъ Божиимъ только тѣмъ людямъ, которыхъ можно назвать духовными (*πνευματικοί*), которые т. е. живутъ не по плоти, а по духу.

Сопоставляя это съ тѣмъ, что было сказано о цѣли созданія человѣка, получаемъ въ выводѣ дилемму: или названная цѣль послѣ грѣхопаденія стала недостижима для людей, стоящихъ внѣ церкви и. слѣдовательно, внѣ возможности пріобрѣтать богопознаніе непосредственно изъ источника богооткровенной истины и подъ нарочитымъ руководствомъ благодати Божіей,—или же Духъ Божій содѣйствуетъ и естественному человѣчеству пріобрѣтать богопознаніе.

Но первый членъ этой дилеммы принять нельзя, — во-первыхъ, уже потому, что само слово Божіе свидѣтельствуесть о язычникахъ: „что можно знать о Богѣ, явно для нихъ“ (Рим. 1, 19), а затѣмъ и приведенныя слова св.

¹⁾ Преосв. Макарій, *ibid.* 147—148.

Павла о цѣли созданія рода человѣческаго вовсе не ограничиваютъ достиженіе этой цѣли только членами церкви ¹⁾; во-вторыхъ же, — и это самое важное, — не позволяеть намъ принять такое мнѣніе, — здоровое понятіе о промыслѣ Божіемъ. Если, по ученію православной церкви, „отъ малаго до великаго Богъ знаетъ все въ точности, и о *всякомъ* твореніи *въ особенности* промышляетъ“ ²⁾, — то не могъ онъ оставить человѣчества виѣ своего благодатнаго содѣйствія и въ отношеніи достиженія главнѣйшей цѣли существованія человѣческаго на землѣ. Мы видѣли, что церковь учитъ о „естественной благодати“, подаваемой Богомъ язычникамъ. Но неужели эта благодать руководить ими только въ вопросахъ нравственныхъ (ср. Римл. 2, 15)? При той тѣсной связи, какая существуетъ между нравственно-практической и религіозно-теоретической областью, это едва-ли можно допускать. Да и какъ-бы въ такомъ случаѣ для язычниковъ могло быть „явно“ то, „что можно знать о Богѣ“, когда по ученію того-же Свящ. писанія это не явлю и для христіанъ безъ нарочитаго наученія отъ Духа Святаго? Поэтому необходимо принять, что *Духъ Святыи* не только „глаголаеть пророки“, но *научалъ* какимъ-либо образомъ и *естественное человечество*. И намъ кажется, что въ этомъ именно смыслѣ Апостоль Павель и говоритъ о язычникахъ, что „*Богъ явилъ имъ*“ Себя, — въ Рим. 1, 19. А если мы слова ст. 20-го: „такъ что они *безотвѣтны*“ сопоставимъ съ Матѳ. 12, 31 (о хулѣ на Св. Духа), то поймемъ, что язычники потому и безотвѣтны (*ἀνολογῆτοι*), что „не прославляя Бога, какъ Бога“ (Римл. 1, 21), они противятся Духу Святому.

Какъ же и чрезъ кого Духъ Святыи возвѣщаетъ истину естественному человечеству? Оtvѣтъ найдемъ мы, если обратимъ вниманіе на характеръ богопознанія, какое по ученію св. Павла возможно для язычниковъ. Это познаніе онъ называетъ *ощущеніемъ* (слав. „*да поне осяжутъ Его*“). Въ греческомъ стоитъ: „*ἴνα ψηλαφήσιν αὐτόν*“. Глаголь *ψηλάφει* (=ощупывать, ощунью искать, *contrectare, contrectando*,

¹⁾ Онъ говоритъ: „такъ мы, будучи родомъ Божіимъ“ etc... т. е. считать богопознаніе доступнымъ и своимъ языческимъ слушателямъ.

²⁾ *Ирав. Исп.*, чл. 1 отв. на вопр. 29.

quasere) въ настоящемъ случаѣ указываетъ на то, что послѣдніе могутъ, такъ сказать, осязать Его руками. Ясно, что здѣсь не вмѣются въ виду теоретическія построенія разсудка, или абстрактныя выкладки науки, а живое, проникнутое чувствомъ постиженіе въ природѣ и духѣ Живаго и Личнаго Бога ¹⁾. А проповѣдниками такого познанія никто не могъ быть для язычниковъ, кромѣ ихъ художниковъ, поэтовъ и другихъ гениевъ интуитивной мысли.

П. Тихомировъ.

¹⁾ Громадное различіе существуетъ между философскимъ „τὸ θεοεικός“ (Аристотеля) и „ὁ θεός“ религіознаго сознанія. . .